

Н. Н. АЛЕВРАС

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ДИССЕРТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ ИСТОРИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в контексте диссертационной системы, в частности – его опыт презентации магистерской диссертации, практики оппонирования диссертаций учеников и коллег.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Веретенников, С.М. Середонин, диссертация, диссертационный диспут, диссертационная культура, оппонент, методология, петербургские историки.

Интенсивный процесс осмысления и переосмысления в современной науке научного наследия А.С. Лаппо-Данилевского, которое в известные времена идеологи от власти и науки пытались вычеркнуть из национальной памяти и культуры, создание нового образа историка становятся актуальными задачами на путях методологического обновления исторического знания в начале XXI в. Дополнительным штрихом к его научному портрету может стать попытка представить его фигуру в координатах диссертационной культуры российских историков. История защиты Лаппо-Данилевским магистерской диссертации, вызвавшей обширный комплекс отзывов современников, позиционирование его учеников в сфере диссертационной культуры, деятельность самого историка по оппонированию диссертаций – это тот минимальный перечень, которым ограничивается данная статья.

Будучи оригинальным мыслителем, Лаппо-Данилевский предстает в данной сфере университетской культуры как ученый особого склада. Принципы его научной деятельности, высокие требования к самому себе как ученому и вырабатываемому им научному знанию (обостренная научная саморефлексия как черта личности историка лейтмотивом звучит в мемориальных текстах современников¹) никогда не позволяли ему снижать их уровень – шла ли речь о собственной диссертации, или диссертационных исследованиях учеников и коллег. Его специфическое место в сообществе петербургских историков и историко-научных институциях столицы, круг научных интересов (см. работы В.П. Корзун, Е.А. Ростовцева, С.Н. Погодина), формирование научной школы новой модели и ха-

¹ См. мемуарные и публицистические пассажи Г.В. Вернадского, В.И. Веретенникова, И.М. Гревса, Б.Д. Грекова, А.Е. Преснякова, Г.П. Федотова и др.

рактер мышления историка-методолога (А.Е. Пресняков, В.П. Корзун, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева, Е.А. Ростовцев, А.В. Малинов), тип его личности как ученого-модерниста (Д.А. Александров) наложили отпечаток и на особенности взаимоотношений с учениками, и, как мне представляется, на его положение в диссертационной системе.

Магистерская диссертация Лаппо-Данилевского (1890)² стала значимым фактом в русской науке, а ее защита – ярким событием в истории диссертационной культуры. До сего времени идут споры о методологической ориентации автора в момент ее создания и месте диссертационного труда в его теоретических исканиях. Не касаясь в данном случае содержания диссертации, не раз анализируемой в работах современных историографов (Е.А. Ростовцев, С.Н. Платонов, В.П. Корзун), обращаю внимание на такое известное, но редко используемое для анализа произведение историка, как его речь перед диссертационным диспутом³.

Ссылаясь на свою статью с анализом этой речи⁴, отмечу особенности ее структуры и основных идей. Едва ли не впервые в опыте выступлений диспутантов в ней озвучивались историографические, источниковедческие и методологические аспекты защищаемой диссертации. По сути, Лаппо-Данилевским была представлена новая модель выступления на диспуте, ориентированная на презентацию методологических принципов диссертации. Нельзя также не заметить особую тщательность и проявленную оперативность подготовки им текста речи к публикации, что подчеркивает признание историком особой значимости подобных научных текстов. Несомненным является факт использования молодым историком диссертационной трибуны для презентации своих теоретико-методологических откровений, что придает его академическому по форме выступлению неповторимый экзистенциальный смысл.

В речи Лаппо-Данилевский обозначил свои теоретико-методологические позиции, отказываясь от традиции воспринимать историю «только искусственным, литературным рассказом любопытных, славных или поучительных происшествий». Позиционируя в диссертацией иной подход, он заявлял стремление выработать «приемы исторического изучения», чтобы впоследствии «перейти и к более высоким ступеням исторического отвлечения». Как научный манифест выглядит его резюме: «...каждое научное сочинение можно рассматривать с двух точек зрения: *методологической и феноменологической*» (курсив Лаппо-Данилевского)⁵.

² См.: *Лаппо-Данилевский*. 1890.

³ См.: *Исторические диспуты...* С. 283-292.

⁴ См.: *Алеврас*. 2011/2012. С. 136-159.

⁵ *Исторические диспуты...* С. 283, 284.

Обосновывая свой подход в изучении избранной проблемы, Лаппо-Данилевский раскрывал потенциал тех методов, которые позволяли ему «классифицировать» изучаемые явления таким образом, чтобы они предстали «не отвлеченной однообразною схемой, а в виде живой развивающейся ткани соотношений, определяемых местными условиями древнерусской жизни». Предлагаемая классификация им самим обозначалась как «динамическая». Она, по его мысли, претендовала на универсальность, позволяя «во всяком историческом исследовании видоизменять статическую схему исследуемых явлений в динамическом смысле, сообразно времени и месту». Обосновывая смысл своего системного подхода, историк полагал, что он позволил ему органично проникнуть «из области методологии в сферу феноменологии нашего труда»⁶ [курсив А.С. Лаппо-Данилевского – Н.А.].

Для идентификации методологических подходов раннего Лаппо-Данилевского представляет интерес его оригинальная попытка в тексте диссертационной речи сравнить изучаемые социальные процессы с феноменами биологического происхождения, что на первый взгляд дает основание рассматривать ее как традицию позитивистского подхода. Но на это можно посмотреть и в ином ракурсе. Обратимся к его рассуждениям о способности половой клетки передавать наследственные черты создаваемой новой «особи» при одновременном стремлении этой «особи» «к индивидуальности»⁷. Феномен наследственности из области современной ему генетики (вспомним открытия Г.И. Менделя, Т.Х. Моргана) рассматривается им в качестве аналогии социальных явлений. Диспутант полагал, что и в социальной среде «при смене различных периодов исторической жизни любой общественной группы» происходит борьба между «наследственными» чертами прежнего времени и чертами «индивидуальными», «свойственными именно тому, а не другому периоду». В этом, считал он, проявлялась борьба «старого с новым»⁸, в том числе и в сфере изучаемого им вопроса – организации прямого обложения. Если интерпретировать его подход, учитывая и дальнейшее развитие взглядов, то предлагаемая им аналогия может быть воспринята в качестве метода, позволяющего формировать представление о мире как целостной взаимосвязанной системы, представленной процессами биологического и социального происхождения – природы и культуры. Кроме того, в его рассуждениях заметны интенции будущих опытов по установлению осо-

⁶ Там же. С. 288.

⁷ Там же.

⁸ Там же С. 288-289.

бенно-стей номотетических и идиографических по своей природе исторических явлений. Полагаю, что демонстрируемая в речи новаторская позиция историка может характеризоваться как переходная – от традиционных принципов позитивистской доктрины к теоретико-методологическим идеям в стиле модернизма рубежа XIX–XX вв.

Обратимся к некоторым схолярным аспектам научной биографии Лаппо-Данилевского, связанным с особенностями его «теоретической» школы и стиля его работы с учениками. Глядя на его фигуру в этом контексте, можно резюмировать, что он предстает не столько руководителем их диссертационных исследований в прагматической постановке этого вопроса, сколько в роли ученого-наставника, не ставившего в качестве приоритетных узкоспециальные задачи подготовки их к соисканию ученой степени. Определенным объяснением позиции историка могут выступать нормативные требования диссертационной системы: его должность приват-доцента не предусматривала осуществление магистерской подготовки учеников. Известно, например, что окончивший в 1904 г. историко-филологический факультет ученик историка – В.И. Веретенников, не был «замечен» главой кафедры русской истории С.Ф. Платоновым, и не оставлен для подготовки к профессорскому званию. Работая впоследствии в Харьковском университете, он самостоятельно подготовил к защите свои диссертации⁹.

Основные усилия Лаппо-Данилевского на педагогическом и научном поприщах были нацелены на формирование у учеников качеств ученого, вооруженного осмысленной методологией, позволяющей достигать профессиональных высот доказательности научной идеи. Ученики, прошедшие его школу, признавались в его особом таланте обучать посредством ненавязчивых научных размышлений, втягивавших в этот процесс «слушателей». В результате его лекции и беседы производили, по словам В.И. Веретенникова, «неизгладимое впечатление»: «Им [Лаппо-Данилевским] не давались с высоты кафедры уже готовыми отполированными и вылощенными, красиво уложенными и приглаженными готовые мысли-построения; а они, слушатели, непосредственно вводились, непосредственно присутствовали при самом процессе творческой работы большого ученого... каким являлся Лаппо-Данилевский. ...И тут слушатели его наглядно учились на примере, который развертывал пред ними Александр Сергеевич со всей силой своей огромной ученой мысли...»¹⁰. Одновременно мемуарист подчеркивал бережное

⁹ См.: Брачев, Дворниченко. 2004. С. 140-142.

¹⁰ Веретенников. 1920. С. 205.

отношение учителя к своим ученикам, его стремление сформировать в них научную самостоятельность: «...Александр Сергеевич никогда ничем не подавлял своих учеников в их работах»¹¹.

«Мастер-классы» Лаппо-Данилевского могут быть отнесены к категории особого – «когнитивного» метода обучения. Перефразируя самого ученого, можно сказать, что характер его коммуникаций с подопечными слушателями был сродни научно-психологическому типу *понимания* в виде «вживания в чужое сознание». Этот специфический процесс общения был взаимным – осуществлялся как со стороны учеников, так и со стороны учителя. Будучи чрезвычайно строгим к своим собственным трудам и отказываясь от роли учителя-попечителя, он давал свободу их творческим исканиям. В то же время он всегда оставался строгим критиком их научных штудий.

Можно говорить лишь об одном ученике историка, успевшем защитить две диссертации при его жизни. Им являлся В.И. Веретенников¹². Интересующая нас область профессиональной жизни других известных учеников историка уходит в более позднее время. С.Н. Валк и А.И. Андреев, как известно, получили ученые степени уже в рамках советской науки и соответствующей диссертационной системы. Можно, конечно, специально задаться вопросом относительно скромного списка его учеников, защитивших диссертационные исследования. Ответ потребовал бы развернутого сюжета. Если коротко, то объяснения найдутся и в области социально-политического контекста жизни многих его учеников, оказавшихся в водовороте трансформационного сдвига России, и в воспринятой у Лаппо-Данилевского строгости отношения к процессу выработки своих научных наблюдений и обобщений, и в университетском статусе историка-учителя как приват-доцента, и в сфере разделяемой учениками философии/идеологии творчества учителя. Идеология же его творчества Лаппо-Данилевского зиждилась на высоких принципах научности и долга ученого. Для такой позиции характерна минимизация прагматики научной жизни (к этой сфере, вероятно, им была отнесена и диссертационная система), что некоторым образом сказалось на истории создания его докторской диссертации. Так или иначе, выше констатируемый факт единственного при жизни историка

¹¹ Там же. С. 201.

¹² В 1910 г. он защитил магистерскую диссертацию «История Тайной канцелярии Петровского времени» (оппоненты: А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов); в 1916 г. – докторскую – «Очерки генерал-прокуратуры в России до Екатерининского времени» (оппоненты: А.С. Лаппо-Данилевский и С.В. Рождественский).

ученика-диссертанта остается фактом, подтверждаемым информацией известного справочника Г.Г. Кричевского¹³.

Ближайшие ученики Лаппо-Данилевского – В.И. Веретенников, С.Н. Валк, оставившие о нем воспоминания в мемориальном номере «Русского исторического журнала» (РИЖ, 1920. № 6), не затронули диссертационной темы. Отношение же Лаппо-Данилевского к диссертациям одного из них – В.И. Веретенникова – при отсутствии иной информации может быть определено через обращение к отзывам учителя о диссертациях ученика¹⁴. Этот аспект позволяет перейти еще к одному виду деятельности Лаппо-Данилевского – роли эксперта диссертаций.

В поле диссертационной системы Лаппо-Данилевский, кроме диссертации Веретенникова, по имеющимся у нас сведениям выступал официальным оппонентом на диссертационных диспутах С.М. Середолина (1892), С.В. Рождественского (1897), М.В. Клочкова (1911). Относительно небольшой список оппонируемых соискателей, в сравнении, например, с С.Ф. Платоновым, не позволяет отнести его к категории активистов на этом поприще.

В личном фонде историка имеется также черновик-автограф отзыва о магистерской диссертации казанского историка Н.Н. Фирсова¹⁵. Вероятно, его составление было связано с представлением Фирсовым диссертации в Академию наук для премирования. Последняя фраза отзыва о том, что труд Фирсова «заслуживает некоторого поощрения» свидетельствует об этом¹⁶. После защиты Фирсовым докторской диссертации в Казанском университете (1903) Лаппо-Данилевский, выступая от имени Академии наук, пишет отзыв и на эту его диссертацию¹⁷. Личный интерес Лаппо-Данилевского к диссертациям Фирсова легко объясним их тематикой. Обе они затрагивали актуальные для Лаппо-Данилевского проблемы российской истории XVIII века, над которыми он активно работал в эти годы. К подобному типу относится и объемный отзыв историка о докторской диссертации М.А. Дьяконова¹⁸.

¹³ См.: Кричевский. 1984.

¹⁴ См.: СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 386. Л. 3-8 (отзыв о магистерской диссертации); д. 387. Л. 17-29 (отзыв о докторской диссертации).

¹⁵ См.: СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1 Д. 416. Л. 1-36. Тема магистерской диссертации Н.Н. Фирсова – «Русские торгово-промышленные кампании в первую половину XVIII в.». Защита состоялась в 1897 г. в Московском университете.

¹⁶ Остается пока неизвестным, был ли дан ход этому отзыву и номинировался ли Фирсов с магистерской диссертацией на какую-либо академическую премию.

¹⁷ См.: Лаппо-Данилевский. 1906.

¹⁸ См.: СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 394; Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI-XVII вв.

Приведенные факты позволяют сквозь призму академических отзывов корректировать место Лаппо-Данилевского в контексте диссертационной культуры. Научно-критические работы историка высоко ценились коллегами-современниками и особо отмечаются в историографии. По свидетельству Е.А. Ростовцева В.Г. Васильевский считал Лаппо-Данилевского «первым знатоком» научно-критического жанра и называл «постоянным присяжным оценщиком трудов по экономической и социальной русской истории»¹⁹.

Первым опытом официального оппонирования стало для Лаппо-Данилевского выступление на магистерском диспуте С.М. Середонина²⁰. Сам недавно защитивший диссертацию, Лаппо-Данилевский, в отличие от другого оппонента – Платонова, был весьма строг к соискателю. Следуя установленным для себя принципам, он упрекал его в поверхностности изложения и незнании целого ряда источников, сведения из которых можно было использовать для сравнения с «показаниями Флетчера». Отмечал он и неглубокое усвоение современной историографии, а также некритичное использование фактических данных из ряда исследований. Мимо внимания Лаппо-Данилевского не могли пройти страницы диссертации, на которых автор излагал характеристику такого «капитального» вопроса как «состояние нашего хозяйства в XVI в.»: отношение крестьян к помещикам, военное и финансовое управление. Необоснованной он считал попытки Середонина сформулировать «новую теорию о происхождении четвертей» – спорного вопроса, который составил одно из важных мест в его собственной диссертации. Критически оппонент воспринял неумение автора выработать адекватный заявленной теме метод изучения темы и «выковать логически последовательную и стройную цепь рассуждений», вследствие чего работа отличалась «искусственной схематизацией», что, резюмировал Лаппо-Данилевский, «лишает жизни сочинение г. Середонина».

Не допуская снисходительности в вопросах критики диссертаций и своего ученика В.И. Веретенникова, он, в то же время не скрывал явных симпатий к нему как оригинальному автору высокой профессиональной квалификации. Отмечу особую тщательность подготовки Лаппо-Данилевским этих отзывов. Два архивных дела, содержащих обширные выписки из диссертаций и черновые наброски к текстам оппонентских

¹⁹ *Ростовцев.* 2004. С. 141, 181.

²⁰ Рукопись отзыва см.: СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 411. Л. 1-16. По свидетельству Н.Н. Платоновой продолжительность его выступления составила 1 час 40 мин.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 85 об.-86.

выступлений, привлекают своим объемом. Дело с отзывом о магистерской диссертации состоит из 101 л., о докторской – 157 л.

В обоих случаях он подчеркнул обоснованность выбора тем: в магистерской диссертации – в связи с отсутствием исследований по проблеме, выдвинутой на защиту, в докторской – с историографической потребностью пересмотра полувековой давности выводов предшественников автора. В первой диссертации Веретенников оказался пионером освоения документов по истории изучаемого учреждения, во второй – он продемонстрировал способность тщательного выявления и формирования целостного комплекса источников по теме с учетом различных редакций документов. Новизна двух его диссертаций у оппонента не вызвала сомнений. Он высоко оценил усилия ученика по целенаправленному сбору источниковых комплексов, доказательству их репрезентативности, а также проявленные качества диссертанта: «тщательность» и «осторожность» в использовании архивного материала. Особо историка привлек пассаж магистерской диссертации, отражающий попытки автора «восстановить историю архивного фонда Тайной канцелярии». Он подчеркнул, что диссертант принялся за написание этой истории, лишь убедившись, что сохранились три четверти его документов²¹. В докторской диссертации Веретенникову, как подчеркнул Лаппо-Данилевский, «за отсутствием подлинного делопроизводства генерал-прокурорской канцелярии» удалось возместить источниковые пробелы путем обращения к различным фондам Сената в архивах Москвы и Петрограда. Следуя своим принципам, диссертант и в этой работе доказывал репрезентативность сформированной источниковой базы. Ее обновление позволило ему раскрыть аспекты, о которых «не думал его предшественник»²². Речь шла о характере взаимоотношений генерал-прокуратуры и Сената, а также роли «личного управления» в истории этого учреждения. Специально Лаппо-Данилевский подчеркнул значение сюжетов с описанием деятельности конкретных «выдающихся» личностей – генерал-прокуроров и их заместителей.

Обе диссертации вызвали ряд серьезных замечаний, но достоинства их превышали. Отзывы завершались сходным по мысли резюме о неоспоримом значении этих исследований: с их выводами «придется считаться всякому будущему историку высшей нашей администрации XVIII века»²³. Позитивные оценки Лаппо-Данилевского явно опирались на

²¹ СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 386. Л. 4.

²² Имелся в виду А. Д. Градовский: СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 387. Л. 18.

²³ Там же. Л. 28.

соответствие и реализацию в диссертациях ученика выдвигаемых им самим научных принципов исторического исследования. Сам же учитель в отзывах продолжал демонстрировать «мастер-класс» ученого-историка и собственный богатый опыт исследовательской практики, снабжая текст своими толкованиями рассматриваемых диссертантом явлений.

Специальной задачей дальнейшего изучения оппонентских выступлений Лаппо-Данилевского может стать анализ черновых набросков к отзывам, в которых сохранились не предназначенные для публики мысли историка; в них же воплотился персональный опыт изготовления отзывов, который дополняет штрихи к его амплу историка-критика.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алеврас Н.Н. «...Мир вещей в пространстве диссертационной культуры» // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип.6. К.: Інститут історії України НАН України, 2011/2012. С.136-159.

Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834-2004). СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2004. 384 с.

Веретенников В.И. Памяти дорогого учителя // Русский исторический журнал. 1920. № 6. С. 201-205.

Исторические диспуты // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1890. Т. 1. С. 283-292.

Кричевский Г.Г. Диссертации университетов России 1805-1919. М., 1984. Библиографический указатель. Рукопись.

Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890. 557 с.

Лаппо-Данилевский А.С. Отзыв о сочинении Н.Н. Фирсова «Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II». СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1906. 34 с.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).

Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI-XVII вв.: Отзыв А. Лаппо-Данилевского о книге М. Дьяконова «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве» (XVI-XVII вв.). СПб., 1898 г. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1900. 130 с.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. 352 с.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФА РАН).

Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета, vhist@mail.ru